

Цзян Шоуянь ничего не ответил, лишь молча поднял на него глаза. Чэн Цзайе совершенно забыл о том, что рылся в снегу и не отряхнул перчатки как следует. Зарывшись пальцами в волосы Цзян Шоуяня, он оставил на них лёгкий след белого инея. Но в тот момент он даже не обратил на это внимания: он наблюдал за взглядом Цзян Шоуяня.

Чэн Цзайе всегда знал, что глаза Цзян Шоуяня умеют говорить. Тот часто предпочитал словам взгляды — безмолвное общение душ. И Чэн Цзайе каждый раз безошибочно его понимал. Взгляд Цзян Шоуяня говорил: «Постоим немного. Поцелуй меня».

Здесь, так близко к первозданной природе, в этом глухом краю, уличные фонари походили на старые деревянные домики, стоящие посреди снегов: их свет просто и безыскусно ложился на пустынные улицы. Белые облачка пара от их дыхания медленно сливались. Дальний фонарь вдруг дважды мигнул.

Цзян Шоуянь не закрыл глаза. В тот момент, когда Чэн Цзайе поцеловал его, ему показалось, что он услышал лёгкий щелчок, а затем вся деревня погрузилась во мрак. Чэн Цзайе коснулся его губ раз, другой — и медленно отстранился, завершая этот короткий, целомудренный поцелуй.

Было тихо и морозно, но человеческое тепло согревало. В окнах домов заплескали огоньки свечей, а затем в дверь их комнаты постучали. Поскольку их окно выходило прямо во двор, сквозь дверь до них донёсся зычный голос хозяйки:

— Отрубили свет из-за снега! Я вам пару свечей принесла на всякий случай.

Чэн Цзайе поднялся, сделал несколько шагов к окну и ответил:

— Дверь не заперта, заходите!

Толкая дверь, хозяйка удивилась тому, что голос прозвучал так глухо. Свеча в её руке осветила комнату, и вдруг она заметила в темноте у окна чью-то голову. Охнув, схватилась за сердце, отшатнулась и лишь всмотревшись узнала Чэн Цзайе.

— Холодина-то какая, чего на улице делаете?

— Груши морозим, — ответил Чэн Цзайе.

— Груши? — Хозяйка поставила свечи на тумбочку. — Да у меня в морозилке готовые лежат, забыла вам сказать. Проходя мимо окна, она указала на кровать: — Свечи я оставила тут. Как закончите с грушами, живо в дом, на улице мороз.

Чэн Цзайе кивнул и, подстраиваясь под её интонацию, бодро ответил:

— Будет сделано!

Цзян Шоуянь всё это время так и сидел на корточках в снегу. Когда Чэн Цзайе вернулся к нему, тот уже нашёл несколько веток и со всех сторон огородил ими скрытые снегом груши. Чэн Цзайе несколько секунд молча наблюдал за ним, а затем Цзян Шоуянь протянул ему руку:

— Ноги затекли.

Чэн Цзайе с улыбкой поднял его на ноги, отвёл в комнату и немного размял ему икры.

Без электричества в телефонах не посидишь, поэтому они долго разговаривали при тусклом свете свечи. В основном говорил Чэн Цзайе, а Цзян Шоуянь слушал, лишь изредка поддакивая.

— Говорят, здесь иногда даже северное сияние бывает, но обычно в дни летнего солнцестояния...

Чэн Цзайе поднял голову и увидел, как Цзян Шоуянь зевает. Не удержавшись, зевнул следом, и последние слова потонули в горле, прозвучав совсем невнятно.

Цзян Шоуянь, зевнув, увидел, как Чэн Цзайе щурится, приоткрыв рот, и, не успев даже смахнуть слёзы, выступившие на глазах, зевнул снова. Не успел Чэн Цзайе закрыть рот, как, чувствуя, что опять вот-вот «заразится», Цзян Шоуянь поспешно закрыл ему губы ладонью. Переждав собственный зевок, он медленно произнёс:

— Хватит.

Но разве такое можно контролировать? Чэн Цзайе, прищурившись, зевнул прямо в ладонь Цзян Шоуяня. Тот сморщил нос, отвернулся и, тихо рассмеявшись, всё же не выдержал: закрыв Чэн Цзайе глаза рукой, зевнул в последний раз. Его голос звучал так, будто в горле стояла вода:

— Как два дурака.

И впрямь, как два дурака: зевают друг другу в лицо без остановки. Чэн Цзайе с улыбкой убрал руку Цзян Шоуяня от своих глаз и спросил:

— Спать хочешь?

— Немного.

Чэн Цзайе лёг рядом с ним:

— Тогда давай спать.

В комнате было очень тепло. Голова Цзян Шоуяня коснулась подушки, и, убаюканный объятиями Чэн Цзайе, он вскоре уснул. Ночью ему захотелось в туалет. В полусне он коснулся руки Чэн Цзайе, чтобы высвободиться. Тот сонно придвинулся к нему и спросил:

— Ты куда?

Цзян Шоуянь помедлил и ответил:

— В туалет.

— Угу.

Повисло молчание. Цзян Шоуянь уже было подумал, что тот снова уснул, как вдруг Чэн Цзайе разжал объятия и, перевернувшись, потянулся за свечой на тумбочке. Свет так и не дали, а свечи сгорали быстро — предыдущая уже догорела и погасла. Чэн Цзайе щёлкнул зажигалкой и зажёл новую. Цзян Шоуянь, шурша одеждой позади него, потянулся, чтобы взять её. Передавая свечу, Чэн Цзайе сказал:

— Подожди меня.

— Ты тоже хочешь? — спросил Цзян Шоуянь.

На самом деле Чэн Цзайе не хотел, но, натягивая куртку, всё же буркнул в знак согласия. Цзян Шоуянь понимал: вероятно, его внезапное исчезновение в прошлом оставило у Чэн Цзайе глубокий след, из-за чего теперь он так крепко обнимает его во сне и просыпается от малейшего шороха. Поэтому Цзян Шоуянь терпеливо ждал. Но лишь сам Чэн Цзайе знал, что причина кроется не только в этом.

\*\*\*

Цзян Шоуяню казалось, что за те два с лишним месяца, что они не виделись, у Чэн Цзайе вдруг проснулась страсть его фотографировать. Правда, не сказать, чтобы он делал это постоянно. Просто иногда, заметив что-то красивое или забавное, он как бы невзначай говорил: «Давай сфотокаемся». Иногда это были совместные фото, иногда — одиночные портреты Цзян Шоуяня, но Чэн Цзайе всегда выбирал моменты, когда поблизости никого не было.

Позировал Цзян Шоуянь в своём репертуаре: вставал, вытянувшись по струнке ровнее, чем матрёшка у него за спиной, а широта его улыбки зависела от погоды. В сильный мороз улыбка выходила сдержанной — лицо просто-напросто замерзло.

Поскольку Чэн Цзайе в прошлом много снимал пейзажи, он всегда быстро находил идеальный ракурс. А учитывая природную красоту Цзян Шоуяня, тот отлично получался с любого угла.

Закончив съёмку, Чэн Цзайе заявил: «Всё», после чего подошёл к другой статуе, с длинным носом, и попросил его сфотографировать. Цзян Шоуянь взял телефон, и Чэн Цзайе скопировал позу статуи, державшей в руках хлеб, отчего Цзян Шоуянь не удержался от лёгкой улыбки.

Только сделав удачный кадр и выпрямившись, он заметил остановившуюся рядом машину. Дорога была узкой, и он, сам того не осознавая, вышел на проезжую часть. Смутившись, Цзян Шоуянь кивнул водителю в знак извинения. Тот ответил улыбкой, и, когда машина медленно проезжала мимо, Цзян Шоуянь скользнул взглядом по номеру — «Чуань А».

Примечание переводчика. Чуань А (川A - Chuān A) — код автомобильного номера, принадлежащий городу Чэнду, столице провинции Сычуань (на юго-западе Китая). Машина с такими номерами в самой северной точке Китая — явное свидетельство автопутешествия через всю страну.

Последние два дня дороги были открыты, и в деревню то и дело заезжали машины на отдых.

Поскольку в Бэйхуне особых достопримечательностей не было, большинство туристов прибывало во второй половине дня, чтобы переночевать и уехать на следующее утро. Не то что они с Чэн Цзайе — задержались тут аж на три дня.

На самом деле Цзян Шоуяню очень нравилась атмосфера этой старинной деревушки. В первые дни, когда из-за снега дороги перекрыли и людей не было, стояла особая тишина, и на прогулке можно было услышать лишь лай потревоженных собак.

Сама по себе деревня была небольшой: от въездного камня до приграничной реки Хэйлунцзян — всего пара километров. Но гуляли они неспешно, выходя на пару часов после обеда, часто останавливаясь, поэтому даже сегодня так и не обошли её целиком.

Полистав фотографии в телефоне, Чэн Цзайе вместе с Цзян Шоуянем отправились дальше: сегодня они собирались на почту, чтобы купить открытки. Вообще-то они заходили туда ещё вчера, но по какой-то причине она была закрыта. Тогда Чэн Цзайе, глядя на почтовый ящик у входа, поразмыслил и предложил:

— Цзян Шоуянь, а давай напишем друг другу по письму?

Уставший от ходьбы Цзян Шоуянь присел на корточки перед почтовым ящиком, ткнул пальцем в белое объявление и прочитал вслух:

— «Данное почтовое отделение упразднено».

— А мы и не будем отправлять отсюда, — ответил Чэн Цзайе. — Как напишем, найдём по навигатору ближайшую почту и отправим оттуда.

Цзян Шоуянь поднял на него глаза, подумав, что это вполне в духе Чэн Цзайе, — так же, как тогда на Эвересте, когда он развешивал молитвенные флажки за совершенно незнакомых людей.

Так что сегодня они снова пришли сюда, чтобы купить открытки, конверты и почтовую бумагу. И хотя само отделение уже не работало, ответственный сотрудник всё же поставил им на открытки настоящий почтовый штемпель деревни Бэйхун.

С этими покупками Чэн Цзайе и Цзян Шоуянь дошли до набережной парка Биньцзян, откуда через реку открывался вид на суровые российские горы. Они брели по тропинке вдоль берега, изредка замечая, как кто-нибудь спускается по ступенькам на скованный льдом Амур. В Китае эту пограничную реку называли Хэйлунцзян. Люди, стоявшие прямо на льду, о чём-то переговаривались.

Проследив за взглядом Цзян Шоуяня, Чэн Цзайе спросил:

— Хочешь спуститься погулять?

Цзян Шоуянь покачал головой.

Они пошли дальше, миновали погранзаставу Бэйхун и вышли к деревянной смотровой площадке. Оглянувшись на пройденный путь, Цзян Шоуянь вдруг почувствовал острое желание взглянуть на всё это ещё раз, но уже с высоты. Так что они заплатили за вход и поднялись наверх.

Время близилось к половине пятого вечера, солнце медленно клонилось к западу. Его свет угасал, проникая сквозь пелену снегопада. Цзян Шоуянь смотрел на раскинувшуюся внизу деревню, когда услышал вопрос Чэн Цзайе:

— Если бы ты писал письмо прямо сейчас, какой была бы первая строчка?

Чэн Цзайе купил всего два листа бумаги для писем. Стоит чернилам коснуться листа — пути назад уже не будет, поэтому нужно заранее продумать слова, которые они хотят сказать друг другу.

Опираясь на перила смотровой площадки — не слишком высокой, но всё же находящейся достаточно далеко от земли, — Цзян Шоуянь почувствовал какую-то странную лёгкость. Словно он стал пеленой, окутавшей солнце, и теперь в бледном, холодном свете безмолвно наблюдал, как на стоянку кемпинга одна за другой съезжаются машины. На следующий день они так же поочерёдно разъедутся, отправляясь в далёкие, неведомые ему края.

— Первая строчка... — задумавшись, произнёс Цзян Шоуянь. — Я не хочу возвращаться домой.

Чэн Цзайе, казалось, был немного удивлён таким ответом. Он повернул голову и посмотрел на него. Цзян Шоуянь с улыбкой повторил своё вступление:

— Дорогой Чэн Цзайе, я не хочу возвращаться домой.

Вот только радости в этой улыбке не было. В ней сквозило чувство, которое Чэн Цзайе не мог описать словами, — такое же безрадостное и застывшее, как солнце на горизонте.

— А ты? — спросил его Цзян Шоуянь. — Что бы ты написал в первой строчке?

— Я хочу увезти тебя в путешествие, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь на секунду замер, а затем рассмеялся:

— Жульничаешь. Ты просто подстроился под моё начало.

Но Чэн Цзайе ничуть не смутился и, глядя ему прямо в глаза, произнёс своё начало вслух:

— Дорогой Цзян Шоуянь, я хочу увезти тебя в путешествие.

Стоило только начать, и слова полились, как вода из открытого крана. Цзян Шоуянь и сам не понимал, почему эта фраза в тот момент сорвалась с его губ так естественно. Пожалуй, он приехал в Мохэ именно потому, что не хотел возвращаться домой. Ведь если не ехать куда-то ещё, остаётся только дорога обратно.

Но перспектива привезти Чэн Цзайе к себе домой вызывала в нём нерешительность. Он слишком долго был болен. И хотя он не мог сказать, в какой момент его состояние может ухудшиться, зато прекрасно знал, при каких обстоятельствах ему точно станет очень плохо. Он не хотел, чтобы Чэн Цзайе видел его таким, поэтому ему оставалось лишь увозить его всё дальше и дальше — это было и путешествие, и бегство одновременно.

Но ведь нельзя убегать вечно. Пусть даже Чэн Цзайе готов стать его вечным спутником в этом

побеге и Цзян Шоуяню, не ломая голову над тем, куда они отправятся дальше, остаётся лишь любоваться пейзажами за окном. Однажды ему всё равно придётся вернуться. Однажды придётся встретиться с этим лицом к лицу.

Глядя из окна машины на бескрайнюю снежную равнину, Цзян Шоуянь думал о том, что ему просто нужно накопить ещё немного смелости.

<http://bllate.org/book/14908/1639040>